

Гузель Чахваровна УТЯШЕВА —
аспирант кафедры татарского языка,
литературы и методики преподавания
Тобольского государственного педагогического
института им. Д. И. Менделеева

УДК 811.512.145'342

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИКЕ ТОБОЛО-ИРТЫШСКОГО ГОВОРА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. Данное исследование отражает процесс фонетического взаимодействия разносистемных языков, функционирующих на территории Тоболо-Иртышья на протяжении нескольких столетий.

This research describes one of language phenomenon in a question of borrowings, which has received wide spreading in tobolo-irtish pronunciation of Eastern dialect of the Tatar language.

Процессы языкового контакта сибирских татар с русскими происходили в течение многих веков. Они совершались как в сфере устной (изначально), так и в сфере письменной речи. Основным объектом контакта являлось и звучащее слово, и слово орфографическое. При этом результатом контакта в области устной речи становилось звучащее, фонетическое слово. Характер воспроизведения услышанного по самой природе восприятия многообразно варьировался, особенно в том случае, если воспринимающий субъект — монолингв. Дело осложнялось и тем, что звуковой состав русского слова, попадавшего в речь носителя тоболо-иртышского говора татарского языка, мог быть различно интерпретирован в подговорах данного диалекта.

Татарско-русское двуязычие, свойство территориального размещения сибирских татар оказали влияние на современное состояние заимствованного фонда лексики восточного диалекта татарского языка. Этот пласт лексики характеризуется своей вариативностью. Целью работы является изучение фонетической вариативности.

В лингвистическом словаре отмечается, что «вариантность (от лат. *varians* — изменяющийся) (вариативность) — это представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы» [1; 80]. То есть: «... варианты языковые знаки должны обладать некоторым набором признаков: общим лексическим значением, единым грамматическим значением и тождеством морфологической структуры» [2; 104].

Вариативность русских заимствований ярко представлена в тоболо-иртышском говоре татарского языка на фонетическом уровне.

1. В условиях активного двуязычия некоторые заимствования проникают в речь сибирских татар без каких-либо существенных изменений. Например, в фонетической огласовке слова [шкул] (от рус. школа) наблюдается переход о - у. Однако наряду с данным заимствованием бытует вариант ышкул, где имеет место протеза [ы]. Приведем аналогичные примеры: шкап/ышкап (от рус. шкаф, крэс/керэс (от рус крест): «Пы атятнен сябье ней, христианлар ни уцень *красне* катерляйте?» [3; 44-45], шрам/шырам.

2. В тоболо-иртышском говоре имеются окающие и акающие подговоры. Окают сибирские татары, проживающие вдоль берегов р. Иртыш, т.е. прииртышские татары, например, жители деревень Карагай, Аксурка, Ишаир, Кобяк

Вагайского района. К окающей подгруппе относится также коренное население близлежащих деревень Одинарские, Вершины, Веселинские, Осиновские Вагайского района, которое в связи с изолированным расположением в местности имело и имеет ограниченные языковые контакты с представителями других поселений, что явилось причиной формирования особого ареала носителей тоболо-иртышского говора. Акают татары, населяющие заболоченные местности, мелкоречье, например, жители населенных пунктов Новокаишкуль, Нерда Ярковского района, Кондан, Юрмы, Лаймы Вагайского района, Тахтагул, Чебурга Тобольского района. Соответственно приведем примеры: пыра^оулик/пыраулик (от рус. проволока), ма^ошинэ / машинэ (от рус. машина), па^ольтэ/палитэ — литер. пальто (от рус. пальто), па^отинкэ/патинкэ — литер. ботинки (от рус. ботинки) и др.

3. Палатальная гармония. В исследуемом говоре используются твердые и мягкие варианты: йупка/йупкэ — литер. юбка (от рус. юбка), картуп/кэртупкэ (от рус. картошка), лутчы/лгтче (от рус. лучше), пушалай/пгшэли (от рус. пожалуй), сапсам/сэпсим (от рус. совсем), насгый/нусгей (от рус. носки) и др.

Г. Х. Ахатов считает, что «если твердое произношение объясняется сохранением древней велярности, то смягчение — влиянием башкирского, казахского, узбекского языков» [4; 9].

4. Наличие вариативных акцентных форм: йупкэ́/йу́пка — литер. юбка (от рус. юбка), циркэ́'у/ци́ркэу — литер. чиркэ́у (от рус. церковь) и др.

5. Для тоболо-иртышского говора, как и для всего восточного диалекта, свойственно цоканье. Однако в населенных пунктах Осиновские, Одинарские, Вершины, Веселинские Вагайского района наблюдается чоканье. Например, матацыйк/матачик (от рус. мотоцикл), цитрамун/читрамын (от рус. цитрамон), угерце/угерче (от рус. огурцы), уцэрэт/учэрэт (от рус. очередь).

6. Отмечено несколько случаев метатезы: турилкэ/турликэ — литер. тэлинкэ (от рус. тарелка), ышвачка/шывачка (от рус. жевачка).

7. В тоболо-иртышском говоре используются варианты слов с глухими согласными [п], [т] и варианты со звонкими согласными [б], [д]: бурэнэ/пурэнэ — литер. бурэнэ (от рус. бревно), бараза/параса — литер. буразна (от рус. борозда), дакуминт/токэмэнт (от рус. документ) и др.

Своеобразие и адаптация того или иного заимствования зависит также и от возраста билингва. В речи поколения от 50 лет и старше можно отметить наличие употребления так называемого адаптированного варианта. Старшее поколение в большей степени сохраняет особенности говора. Молодое поколение стремится использовать в речи тот вариант, который получил огласовку в русском языке.

Таким образом, в тоболо-иртышском говоре татарского языка используются фонетические варианты русских заимствований. Заимствование, являясь результатом контакта в области устной речи (при письменном или устном воспроизведении услышанного), предполагает вариативность. В тоболо-иртышском говоре вариативность возникает на фоне смешанного характера подговоров. Фонетическое своеобразие употребления того или иного заимствования, воплотившееся в функционировании данного слова в речи представителей старшего и младшего поколения, продиктовано временем. Молодое поколение в отличие от старшего, которое в большей степени сохраняет особенности говора, использует в речи изначальный вариант слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцева М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Ермакова Е. Н. Фразообразование в сфере фразеологии. СПб.: ИОВ РАО, 2006.
3. Елисеев Е. Первоначальные сведения о православной вере, сообщаемыя татарину Тобольской губернии, готовящемуся ко святому крещению. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Изд-е 2. СПб.: Типография А. Г. Фарбера, 1903.
4. Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.

*Гульфия Маратовна ТАЛИПОВА —
ассистент кафедры татарского языка,
литературы и методики преподавания
Тобольского государственного педагогического
института им. Д. И. Менделеева*

УДК 821.512.145-1

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТОБОЛЬСКОГО ПОЭТА АМДАМИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

АННОТАЦИЯ. В статье находит отражение поэтическое творчество не известного ранее татарского поэта Амдами, жившего в Тобольске на стыке XVII-XVIII веков. Поэма Амдами «Насихатнамэ», носящая философско-педагогический характер, написана в назидательном тоне, направлена на воспитание норм морали, лучших человеческих черт и качеств. Для достижения этой цели удачно используются мистические и мифологические представления, символы и образы.

The article is devoted to studying of the creative works of little-studied eighteenth-century Siberian-Tatar poet Amdamy and analysis of his poem «The Book of injunction» (Nasihatname). The manuscript, found only at the end of the twentieth century, is especially valuable for both the regional literature and the history of Tatar literature.

В статье «Литературные памятники, сохранившиеся на Урале» [1], изданной в 1963 г. учеными Н. Юзеевым и А. Фатхи, впервые упоминается о найденном переводе поэмы «Насихатнамэ» («Книга наставлений») поэта Амдами. «Книга наставлений» написана хорошим литературным языком, насчитывает более тысячи поэтических строк. Данная рукописная книга обнаружена вместе с произведениями татарского поэта периода Казанского ханства Мухаммадьяра бин Махмуда. Это натолкнуло ученых на мысль о том, что Амдами является не известным науке автором. Ученые отмечают, что подлинного имени поэта установить не удалось, но поиски будут продолжены. К сожалению, на этом изучение творчества Амдами было прекращено, и поэт был забыт на многие годы.

Осенью 1990 г. в мечети г. Альметьевска научный сотрудник ИЯЛИ и филиала АН СССР Ф. З. Яхин во время археографической экспедиции обнаружил вторую рукопись данного произведения, и было начато его изучение. По итогам исследования в 1991 г. был подготовлен доклад, который был представлен широкой общественности во время итоговой научной конференции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР.

Первым об этом произведении упоминает ученый-историк конца XIX — начала XX в. Риза Фахрутдинов в своей биографической книге «Асар» («Памятники») [2], где он пишет об Амдами, дает блестящую оценку его поэзии, а